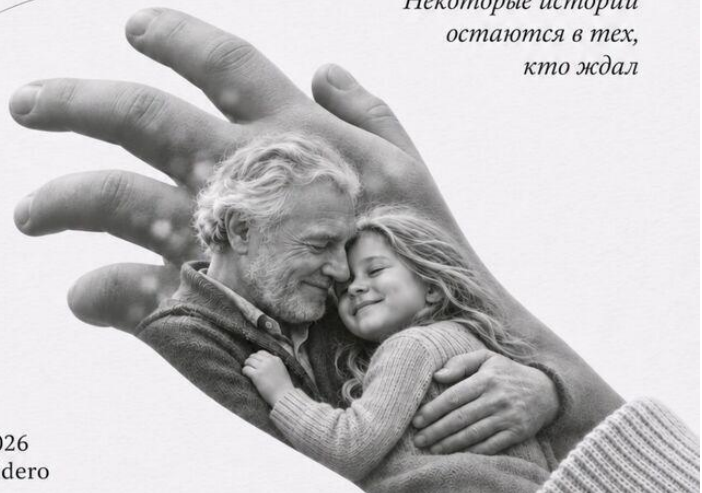
12+

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКОВ

ПЕРВОГО МЕСТА НЕТ

Некоторые истории остаются в тех, кто ждал



2026
Ridero

Андрей Величков
Первого места нет

https://litres.ru/74928447
ISBN 9785007171557

Аннотация

Илья привык доказывать любовь делами: решать проблемы, всё предусматривать, держать близких и бизнес под контролем. Но когда он отходит от дел, выясняется: семья уже научилась жить без его постоянного участия. Теперь ему предстоит понять, можно ли быть рядом, не управляя чужой жизнью, и что останется от него самого, если больше не нужно никому ничего доказывать. Психологический роман о семье, свободе и цене контроля.

Содержание

Роман 5
Пролог. Пустой календарь 6
Часть I. Никому не должен 29
Глава 1. Не по росту 29
Глава 2. Кусок пиццы 57
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Первого места нет

Андрей Евеньевич Величков

© Андрей Евеньевич Величков, 2026

ISBN 978-5-0071-7155-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВОГО МЕСТА НЕТ

Роман
Содержание
Пролог. Пустой календарь

Пролог. Пустой календарь

В семь двадцать телефон не зазвонил.

Илья лежал с открытыми глазами и смотрел на экран, который уже несколько минут держал перед собой. Вчера он отключил будильник на шесть тридцать, но организм, похоже, не получил уведомления. Проснулся в шесть двадцать четыре, полежал до семи, сходил в душ, снова вернулся в спальню.

Теперь ждал.

Обычно к этому времени у него уже было четыре или пять сообщений. Кто-то не мог согласовать поставку, кто-то требовал срочно созвониться, кто-то присылал таблицу, которую необходимо было посмотреть ещё вчера. Иногда звонили из другого часового пояса. Особенно настойчивые начинали с извинений, но всё равно звонили.

Сегодня телефон молчал.

Илья открыл календарь.

Понедельник, 9:00.

Пусто.

Вторник.

Одна встреча с юристом, которую можно было перенести.

Среда.

Ничего.

Он пролистал до следующей недели, затем до конца ме-

сяца. В четверг стояла пометка о заседании совета директоров, но присутствовать на нём было необязательно. Ещё два напоминания касались документов.

Остальное время принадлежало ему.

В пятницу он окончательно передал управление компанией. Сделка по продаже контрольной доли была закрыта раньше, но условия предусматривали переходный период. Восемь месяцев Илья постепенно передавал дела новому руководителю, знакомил его с крупными заказчиками, разбирал договоры и выводил себя из ежедневных решений.

Сначала ему казалось, что восемь месяцев — слишком много.

Потом выяснилось, что для передачи компании, которую строил почти двадцать лет, это подозрительно мало.

Последние две недели он уже практически ни во что не вмешивался. В пятницу подписал оставшиеся бумаги, пожал руки людям, с которыми работал, забрал из кабинета несколько личных вещей и уехал.

Он думал, что в понедельник почувствует облегчение.

Вместо этого лежал в постели и проверял, не забыл ли кто-нибудь ему позвонить.

На кухне звякнула чашка.

— Ты встал? — крикнула Лена.

— Да.

— Тогда иди завтракать.

Илья положил телефон на тумбочку, но через несколько

секунд забрал его с собой.

На кухне пахло кофе и поджаренным хлебом. Лена стояла у окна в домашней футболке, держа чашку обеими руками. На столе лежали разрезанные помидоры, сыр, масло, открытая пачка хлеба.

Илья посмотрел на всё это и невольно отметил, что дома, оказывается, завтракают довольно основательно.

Обычно он выпивал кофе стоя.

Иногда успевал съесть два яйца. Чаще забирал что-нибудь с собой и вспоминал о еде уже в машине.

— Ты чего такой подозрительный? — спросила Лена. Она поставила перед ним тарелку. — Сядь, а то стоишь, будто сейчас будешь проводить совещание.

— Я нормальный.

Илья сел.

— Сегодня мне никуда не нужно, — сказал Илья. — Может, махнём куда-нибудь? На три дня или на неделю.

Лена обернулась от кофемашины. Завтра у неё была встреча с заказчиком, которую переносили уже три недели. Перенести её снова можно было; Лена не хотела.

— Я рада, что ты освободился, — сказала она, садясь напротив. — Но мои дела никуда не делись.

Он откусил бутерброд, посмотрел на часы и положил его обратно.

— А в пятницу? — спросил Илья.

— Выступление Вари. Театральное, в городском центре.

Она два месяца репетирует. Я отправляла тебе дату.

Илья открыл переписку. Нашёл афишу, адрес, время и несколько фотографий с репетиции. Под ними стоял его ответ: «Хорошо, я посмотрю». Две недели назад.

— Всё, записал, — сказал Илья.

— Ты и в прошлый раз записал.

Он посмотрел на Лену, но спорить не стал. Теперь он был свободен и обещал прийти. Она кивнула, не добавляя ничего.

Илья добавил выступление дочери в календарь. Поставил напоминание за два часа, потом подумал и добавил ещё одно за день.

Пятница, 19:00.

Первое событие, которое он сам внёс в свой новый календарь.

Из коридора донёсся грохот.

— Мам, ты мои чёрные кеды не видела?

— Посмотри под скамейкой!

— Там нет!

— Значит, под другой!

Варя появилась на кухне с рюкзаком на одном плече и телефоном в руке. Ей было четырнадцать, и она уже обладала удивительной способностью выглядеть недовольной ещё до того, как кто-нибудь успевал с ней заговорить.

— Доброе утро, — сказал Илья.

— Угу. Па, ты сегодня работаешь?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— А можешь забрать меня после репетиции?

— Конечно.

— В шесть.

— Хорошо.

Варя посмотрела на мать.

— Тогда ты можешь не приезжать.

— Договорились, — сказала Лена.

Дочь снова повернулась к отцу.

— Только ровно в шесть. Там ворота закрывают, потом надо охраннику звонить.

— В шесть буду.

— Ладно.

Она взяла со стола кусок сыра.

— Варя, поешь нормально, — сказала Лена.

— Я поем.

— Когда?

— Мам, ну поем.

Илья усмехнулся.

— В кого такая упрямая?

Лена посмотрела на него.

— Понятия не имею.

Варя закатила глаза и ушла искать кеды.

Через минуту из коридора раздалось:

— Нашла!

Илья допил кофе.

— Надо будет ещё с Матвеем поговорить, — сказал он. — Узнать, как у него там дела.

— Позвони ему.

— Он дома вообще бывает?

— Бывает. Вчера приезжал, между прочим.

— Вчера?

— Да. Забирал вещи. Ты был на встрече.

— У меня в воскресенье не было встреч.

— Ты ездил в офис за документами.

Илья вспомнил. Он действительно заезжал, потому что в пятницу забыл папку с договорами. По дороге позвонил бывший финансовый директор, пришлось обсудить расчёты по одному из объектов. Потом ещё что-то.

Вернулся вечером.

— Ладно. Сегодня наберу.

Лена собрала посуду и поставила тарелки в раковину.

— Слушай, а давай в субботу просто позавтракаем все вместе? Без поездок. Матвея позовём, если сможет.

— Давай. Хорошая идея.

— И не надо ничего организовывать.

— В смысле?

— В обычном. Не бронируй ресторан, не ищи загородный дом. Купим продукты, посидим дома.

— Я вообще ничего не собирался бронировать.

Лена улыбнулась.

Илья посмотрел на телефон.

Он уже успел открыть приложение с загородными отелями.

В десять пятнадцать он оказался в офисе.

Дома продержался чуть больше двух часов.

Сначала решил разобрать шкаф, но не нашёл ничего, что нуждалось бы в разборе. Потом вышел на балкон, постоял, посмотрел вниз. Вернулся, открыл ноутбук и обнаружил, что больше не имеет доступа к части внутренних отчётов.

Доступы отключили в соответствии с договорённостями. Он сам просил об этом ещё месяц назад.

Всё равно было неприятно.

Он позвонил новому генеральному директору.

— Юр, привет.

— Доброе утро. Что-то случилось?

— Да нет. Хотел уточнить по прошлой неделе. Закрыли вопрос с поставкой?

— Закрыли.

— По какому варианту?

— Через резервного перевозчика. В пятницу согласовали.

— Там по срокам нормально?

— Нормально.

— Смотри, у них бывают проблемы на перегрузке. Если вдруг…

— Илья, всё нормально. Правда.

Повисла короткая пауза.

— Ну хорошо, — сказал Илья.

— Ты отдыхай. Мы здесь справимся.

— Да я отдыхаю.

Юра рассмеялся.

— Слышу.

Через двадцать минут Илья уже ехал в офис. Объяснил себе, что забыл зарядку от ноутбука и несколько книг. Зарядка была дома, в ящике рабочего стола, но он вспомнил об этом только на парковке.

Охранник на входе приветственно поднял руку.

— Добрый день, Илья Павлович.

— Здорово, Саш. Как дела?

— Работаем.

— Это хорошо.

В лифте ехали двое молодых сотрудников. Он узнал одного из отдела закупок. Тот поздоровался, второй просто кивнул.

Никто не стал спрашивать, куда он идёт.

Илья поймал себя на том, что раньше это ему нравилось. Люди не задерживали его пустыми разговорами. Все знали, что у него мало времени.

Теперь времени было сколько угодно.

На этаже пахло свежей краской. Возле бывшего кабинета стояли две коробки с мебельной фурнитурой. На двери уже не было таблички с его фамилией.

Внутри переставили стол.

Илья остановился на пороге.

Раньше он сидел лицом к двери, чтобы видеть входящих. Теперь стол развернули к окну. С одной стороны появились два кресла для посетителей, на стене повесили большую доску с планом проектов.

Выглядело, пожалуй, удобнее.

— О, Илья Павлович! — из коридора вышел Юра. — Вы чего к нам?

— Да так, заехал. Книги забрать хотел.

— А, мы их в переговорную перенесли. Я просил ничего не выбрасывать.

— Спасибо.

Юра был младше его лет на десять. Спокойный, аккуратный, без привычки долго объяснять решения. Илья сам выбрал его из нескольких кандидатов, провёл через полгода совместной работы и настоял, чтобы новый собственник дал ему достаточно полномочий.

Теперь Юра стоял рядом с кабинетом, который ещё недавно принадлежал Илье, и выглядел так, словно всегда здесь работал.

— Как утро? — спросил он.

— Прекрасно. Никаких звонков.

— Завидую.

— Не советую.

Юра улыбнулся.

— Хотите кофе?

— Давай.

Они прошли в небольшую переговорную. Илья забрал с подоконника три книги, стопку визиток и деревянную подставку под телефон, которую ему когда-то подарили сотрудники.

Юра принёс две чашки.

— По северному направлению вы правильно сделали, что резервного перевозчика подключили, — сказал Илья.

— Спасибо.

— Только ты посмотри у них историю простоев за прошлый квартал.

— Уже посмотрели. В договоре штрафы предусмотрели.

— Хорошо.

Илья отпил кофе.

— А с металлургами?

— Подписали допсоглашение.

— И по срокам?

— До конца года.

— Не маловато?

— Посмотрим. Есть вариант продления.

Разговор не складывался.

Раньше Илья мог часами обсуждать подобные вещи. Не потому, что любил совещания. Просто каждый вопрос имел продолжение: если меняется срок поставки, меняется резерв на складе; если меняется резерв, нужно пересматривать обо-

ротные средства; за этим тянулись договорённости с банком, поставщиками, перевозчиками.

Он любил видеть, как из множества зависимых решений складывается работающая система.

Но сегодня все вопросы уже были решены.

Без него.

— Слушай, — сказал Юра, — я хотел спросить. Ты правда собираешься ни во что не ввязываться?

— Пока да.

— Надолго?

— Не знаю.

— Правильно. Хотя бы пару месяцев отдохни.

— Ты только меня не списывай.

— Даже не думал.

Они засмеялись.

Юра поднялся первым.

— Ладно, мне надо идти. У нас в одиннадцать планёрка.

— Да, конечно.

Илья посмотрел на часы.

Одиннадцать без пяти.

Планёрки по понедельникам он ввёл лет пятнадцать назад, когда в компании было девять сотрудников. Сначала собирались за одним столом, потом людей стало больше, пришлось делиться на отделы. Менялось время, место, порядок обсуждения, но понедельник оставался понедельником.

Теперь через пять минут она начнётся без него.

Он мог бы остаться.

Его никто не выгонял.

Но и не приглашал.

Илья собрал книги, попрощался с Юрой и вышел.

В лифте поймал себя на том, что сжимает деревянную подставку так сильно, что острый край впился в ладонь.

Перехватил поудобнее.

К половине первого он уже успел заправить машину, заехать в банк и купить новые щётки стеклоочистителя, хотя старые ещё вполне работали.

Потом решил позвонить другу.

Серёга ответил не сразу.

— О, живой! — раздалось в трубке. — Что случилось?

— Ничего. Просто звоню.

— Ты? Просто звонишь?

— Представляешь.

— Подожди, я запишу дату.

— Очень смешно.

На заднем плане кто-то говорил о документах. Серёга попросил секунду, прикрыл трубку, кому-то что-то объяснил и вернулся.

— Ну, рассказывай.

— Да нечего рассказывать. Я освободился.

— В каком смысле?

— В прямом. Всё, передал управление. Теперь свободный человек.

— Охренеть. Поздравляю!

— Спасибо.

— Ну и что делать будешь?

Илья посмотрел через лобовое стекло на автомойку напротив. Машины одна за другой заезжали в бокс. У входа курил сотрудник в резиновых сапогах.

— Пока не решил. Думал вот, может, увидимся. На выходных куда-нибудь выберемся.

— На этих?

— Да.

— Блин, мы на этих уезжаем.

— Куда?

— На базу, за город. Я тебе говорил вроде.

— Не помню.

— Ну мы с мужиками каждый год ездим. В прошлый раз тебя звали, и до этого тоже.

— А, точно. Рыбалка ваша.

— Какая рыбалка, Илюх? Мы там удочки последний раз года три назад доставали.

Илья засмеялся.

— А что делаете?

— Отдыхаем. Мясо жарим, в баню ходим, ерундой страдаем. В общем, всё то, на что у тебя обычно нет времени.

— Я могу подъехать.

— Да я бы с радостью, но мы уже по машинам распределились, дом забронировали. Там места впритык.

— Возьмём другой.

— Зачем?

— Ну побольше. Я оплачу.

Серёга замолчал.

— Илюх, ты чего? Нормально всё уже организовали.

— Да я просто предложил.

— Слушай, мы ещё в декабре собирались. Я же тебя в общий чат добавлял.

Илья открыл мессенджер.

Чат нашёлся в архиве. Последние сообщения были о том, кому покупать уголь и кто заберёт мясо.

Он пролистал выше.

Фотографии с прошлогодней поездки. Какие-то шутки. Видео, на котором Серёга в одних шортах выбегал из бани и прыгал в снег.

Ещё выше — приглашение, адресованное ему лично.

«Илюха, давай в этот раз без отмазок».

Он не ответил.

— Ну ладно, — сказал Илья. — В другой раз.

— Да конечно. Ты только не исчезай опять.

— Не исчезну.

— Ну да, — усмехнулся Серёга. — Слышу это лет десять.

Они поговорили ещё немного. Серёга рассказал, что у него младший сын поступает в институт, пожаловался на ремонт дома, спросил про здоровье.

Илья отвечал, иногда смеялся.

Когда разговор закончился, он ещё какое-то время сидел в машине.

Потом открыл общий чат и написал:

«В следующий раз обязательно с вами».

Поставил телефон на соседнее сиденье.

Минуту спустя Серёга ответил:

«Договорились».

Остальные не написали ничего.

В пять сорок Илья приехал к театральной студии.

Он припарковался напротив ворот и набрал дочери.

— Варя, я на месте.

— Па, у нас ещё двадцать минут.

— Ты же сказала в шесть.

— Ну да. Сейчас без двадцати.

Он посмотрел на часы.

Действительно.

— Ладно, жду.

— Можешь пока никуда не уходить? Мне потом декорацию надо будет забрать.

— Какую декорацию?

— Большую.

— Насколько большую?

— Ну… она в машину влезет, наверное.

— Обнадёжила.

Варя засмеялась.

— Всё, пока.

Он остался в машине.

Раньше двадцать минут ожидания превратились бы в двадцать минут работы. Можно было ответить на сообщения, проверить отчёт, посмотреть изменения по договорам, просчитать какой-нибудь вариант.

Он даже потянулся к телефону.

Но отвечать было некому.

Илья открыл новости, пролистал несколько заголовков и закрыл. Посмотрел на людей, выходивших из соседнего здания. На женщину с двумя пакетами, которая пыталась открыть машину локтем. На мальчика лет восьми, тащившего огромный спортивный рюкзак.

Мальчик остановился, поправил лямку и побежал к отцу. Тот забрал у него сумку, взъерошил волосы, что-то спросил.

Они пошли к машине.

Илья вспомнил, как Матвей лет в девять занимался футболом. Он пару раз приезжал на тренировки. На одну даже успел к началу.

Потом расписание стало неудобным.

Матвей какое-то время продолжал заниматься, затем бросил. Илья так и не понял почему. Сын сказал, что просто надоело.

Он достал телефон и набрал его.

— Да, пап.

— Привет. Как дела?

— Нормально. Ты что-то хотел?

— Да нет. Просто узнать.

— А. Ну всё хорошо.

— Учёба?

— Тоже.

— Слушай, может, пообедаем завтра?

— Завтра не могу. У меня пары до вечера, потом мы с ребятами собираемся.

— Послезавтра?

— В среду, наверное, получится. Я напишу.

— Давай.

— Всё, пап, мне надо бежать.

— Давай, сын.

Илья отключился.

Переписка с Матвеем состояла главным образом из коротких сообщений.

«Оплатил».

«Скинул».

«Забери документы».

«Спасибо».

«Ок».

Илья пролистал её вверх, почти до начала года.

В марте Матвей присылал фотографию какой-то грамоты.

Илья поставил реакцию в виде поднятого большого пальца.

Он попытался вспомнить, за что была грамота, но не смог.

В шесть семь Варя вышла из ворот вместе с двумя де-

вочками. У одной в руках был пакет с тканью, вторая несла огромную картонную конструкцию, издалека напоминавшую оконную раму.

Варя заметила машину, махнула рукой и побежала к нему.

— Па, багажник открой!

Он вышел.

— Это что вообще?

— Окно.

— Вижу. Зачем тебе окно без стены?

— Для спектакля, пап.

— А, ну тогда понятно.

Они втроём пытались уложить декорацию в багажник. Она не помещалась. Илья предложил снять верхнюю планку, но Варя категорически запретила.

В итоге пришлось сложить задние сиденья и положить картонную раму наискосок.

— Если отвалится, ты будешь чинить, — предупредила дочь.

— Я?

— Ну а кто? Ты же главный инженер теперь.

— С чего это?

— Ты же всё умеешь.

Он закрыл багажник.

— Между прочим, инженер из меня так себе.

— Зато всё остальное умеешь.

Она сказала это между делом, проверяя, не выпала ли из

рюкзака бутылка с водой.

Илья ничего не ответил.

По дороге Варя рассказывала о репетиции. О том, как одна девочка перепутала выходы, как руководитель рассердился, а потом сам забыл, какую сцену они должны играть.

Она говорила быстро, сбивчиво, перескакивая с одного на другое.

Илья несколько раз переспрашивал имена.

— Пап, ну я же рассказывала про Алису.

— Напомни.

— Она играет сестру.

— Твою?

— Нет! Моей героини.

— А твоя героиня кто?

Варя повернула к нему голову.

— Ты вообще знаешь, про что спектакль?

Он секунду подумал.

— Слушай, давай расскажешь с самого начала.

Она посмотрела на него с сомнением, будто проверяя, не шутит ли он.

Потом начала.

Илья слушал. Сначала приходилось заставлять себя не отвлекаться на дорогу и телефон. Затем история стала интереснее. Он даже задал несколько вопросов, которые Варе понравились, и она принялась объяснять, почему последнюю сцену они решили изменить.

Возле дома она сказала:

— Прикольно, что ты сегодня приехал.

— А что такого?

— Ничего. Просто прикольно.

Он припарковался, помог вытащить окно и донёс его до лифта.

Варя нажала кнопку.

— Ты в пятницу придёшь?

— Конечно.

— Мам сказала, что ты записал.

— Записал.

— Ладно.

Она прижала картонную конструкцию к стене и улыбнулась.

— Только не опаздывай. Там самое интересное в начале.

Вечером Илья остался один в гостиной.

Лена разговаривала по телефону в спальне. Варя занималась у себя. За окном темнело.

На столе лежали три книги, которые он забрал из офиса. Деревянную подставку он поставил рядом с ноутбуком.

Завтра можно было никуда не ехать.

Он открыл календарь.

Во вторник по-прежнему ничего не было.

В среду появилась пометка: «Матвей. Обед?»

В пятницу — выступление Вари.

В субботу — семейный завтрак.

Илья посмотрел на эти три записи.

Потом открыл почту.

В рабочем ящике почти не было новых сообщений. Большую часть переписки автоматически перенаправляли новому руководителю. Несколько контрагентов прислали благодарственные письма. Кто-то поздравлял со сделкой, кто-то предлагал встретиться.

Среди обычных сообщений было письмо от старого поставщика из логистической компании. В теме стояло название клиента и слово «сверка». Внутри — короткий вопрос по накладной, которую Илья помнил ещё по прошлому году.

Он открыл вложение. Сумма не сходилась на несколько тысяч рублей. Раньше он бы сразу набрал снабжение, нашёл нужного менеджера, попросил поднять старую переписку и проследил, чтобы исправление ушло до конца дня.

Пальцы уже набрали имя нового руководителя. Илья приложил таблицу и написал: «Проверьте, пожалуйста». Потом задержал руку над клавиатурой. Новый руководитель не просил помощи. Вопрос был обычным, у команды были и документы, и полномочия.

Илья удалил сообщение, открыл адресную книгу и переслал письмо руководителю отдела снабжения: «Посмотри, пожалуйста, по обычному порядку. Если не найдёте старые документы — они в общей папке». Он перечитал фразу, убрал слово «пожалуйста» и вернул его обратно. Отправил.

Почти сразу захотелось позвонить и спросить, увидела ли

она письмо. Он оставил телефон экраном вниз и пошёл на кухню. Когда вернулся, ответа ещё не было. Это ничего не означало: люди могли не смотреть почту, могли быть заняты, могли решить вопрос иначе.

Он сел у окна. Из соседнего двора доносился детский голос, потом хлопнула дверь подъезда. Илья поймал себя на том, что ждёт не решения по накладной, а подтверждения, что без него всё равно не обойдутся. Мысль была неприятной и слишком точной.

Когда вечером пришёл ответ, в нём было две строки: расхождение нашли, поставщик прислал корректировку, документы передали новому владельцу на подпись. Никто не добавил, что без Ильи не справились бы.

Он перечитал письмо и закрыл ноутбук. Вопрос решился. Оказалось, что это можно было пережить, не становясь главным участником.

На кухне осталась его чашка с недопитым кофе.

В спальне Лена уже спала.

Он осторожно лёг рядом, чтобы не разбудить её.

Через несколько минут она повернулась и сонно спросила:

— Закончил?

— Да.

— Иди сюда.

Он придвинулся к ней, положил руку ей на плечо.

Лена, не открывая глаз, накрыла его ладонь своей.

Так они лежали какое-то время.

Потом она уснула.

А Илья всё ещё думал о том, почему собственники предприятия не сократили расходы на пустующие складские площади.

И о том, что завтра обязательно нужно спросить их об этом.

Часть I. Никому не должен

Глава 1. Не по росту

Дедушка никогда не опаздывал.

Илья знал это точно, хотя часы тогда ещё не умел определять. В детском саду были большие круглые часы над дверью, но он смотрел не на них, а в окно. Когда за детьми начинали приходить родители, воспитательница помогала застёгивать куртки, находила потерянные варежки и напоминала, чтобы никто не забывал свои рисунки.

Илья ждал дедушку.

Обычно тот появлялся в одно и то же время. Высокий, широкоплечий, в тёмной куртке, которую даже в сильный мороз не застёгивал до конца. Волосы коротко подстрижены, движения неторопливые. Он всегда сначала здоровался с воспитательницей, потом подходил к внуку.

— Ну что, боец, домой?

Илья кивал и бежал к своему шкафчику.

Дедушка был военным. Из всех взрослых мужчин, которых знал Илья, он казался самым серьёзным. Не самым злым, не самым громким и даже не самым сильным на вид. Просто рядом с ним всё происходило как-то понятно.

Если они собирались гулять, дедушка сначала проверял

погоду. Если нужно было что-нибудь починить, доставал инструменты и чинил. Если Илья начинал капризничать, мог строго посмотреть на него и сказать:

— Прекращай.

И этого обычно хватало.

Однажды зимой Илья потерял варежку. Обнаружил уже на улице, когда они вышли за ворота детского сада.

— Где вторая? — спросил дедушка.

Илья поднял пустую руку.

— Не знаю.

— В группе оставил?

— Наверное.

Они вернулись. Варежки нигде не было. Проверили шкафчик, скамейку, заглянули под батарею.

Воспитательница предположила, что кто-нибудь случайно забрал её вместе со своими вещами.

На улице дедушка снял одну собственную перчатку и натянул её Илье на руку.

Перчатка была огромной. Пальцы свисали почти до земли.

— Так и пойдёшь, — сказал дедушка.

— А ты?

— У меня другая есть.

Илья посмотрел на его голую руку.

— Она же замёрзнет.

— Дойдём.

По дороге они несколько раз останавливались, потому что перчатка спадала. Дедушка каждый раз наклонялся, поправлял её и шёл дальше.

Дома бабушка сразу заметила пропажу.

— Где варежка?

— Потерял, — ответил Илья.

— Ну, бывает. Давай руки греть.

Она увела его на кухню, посадила возле батареи и налила чай. На столе уже стояла тарелка с горячей картошкой. Бабушка разрезала один клубень пополам, положила сверху кусочек масла и подвинула тарелку ближе.

— Осторожно, горячая.

Илья дул на картошку, обжигался, снова дул.

Бабушка рассказывала что-то про соседку, у которой сбежала собака. Дедушка слушал, иногда задавал вопросы. Потом ушёл в комнату смотреть новости.

Когда Илья доел, бабушка достала из шкафа печенье.

— Два возьми. Остальное после ужина.

Он взял три.

Бабушка заметила, но сделала вид, что ничего не произошло.

Ему нравилось бывать у них.

Там можно было просто сказать, что болит живот, и бабушка начинала спрашивать, что он ел. Можно было потерять варежку, и никто не устраивал долгого разговора о её стоимости. Можно было сидеть рядом с дедушкой перед те-

левизором и молчать.

Иногда дедушка рассказывал о службе. Илья понимал далеко не всё, зато внимательно слушал. Особенно ему нравилось, что дедушка никогда не торопился с ответом. Если не знал чего-нибудь, так и говорил. Если считал, что Илья неправ, объяснял коротко и без лишних слов.

Однажды мальчик спросил:

— Деда, а ты кого-нибудь боишься?

Дедушка отложил газету.

— Конечно.

Илья удивился.

— Кого?

— Много чего.

— А ты же военный.

— И что?

Илья пожал плечами.

Дедушка снова взял газету.

— Есть разница между тем, чтобы бояться, и тем, чтобы из-за этого делать глупости.

Илья тогда не совсем понял, что он имел в виду.

Зато хорошо запомнил, как дедушка произнёс это. Совершенно спокойно, будто речь шла о необходимости надевать шапку зимой.

До шести лет таких вечеров было много.

Позже бабушку и дедушку он видел уже не так часто. Их место в повседневной жизни заняли школа, квартира,

мать, отчим и бесконечные мелкие неприятности, о которых взрослым обычно некогда было слушать.

Воспоминания о детском саде постепенно становились нечёткими.

Но ту огромную перчатку Илья помнил хорошо.

Особенно то, как дедушка шёл домой с одной голой рукой.

В третьем классе Илья узнал, что кроссовки можно покупать не потому, что старые порвались, а просто потому, что понравились новые.

Это ему объяснил Толик.

Толик учился с ним в одном классе, сидел через ряд и обладал целой коллекцией вещей, о существовании которых Илья иногда узнавал именно от него.

Однажды Толик пришёл в новых кроссовках.

Белых, с тёмно-синими вставками и небольшим красным значком сбоку. На подошве были какие-то необычные узоры, а шнурки даже после целого учебного дня оставались чистыми.

На перемене мальчишки окружили его.

— Где купил?

— С отцом ездили.

— Дорогие?

Толик назвал сумму.

Илья стоял рядом и пытался понять, зачем покупать обувь за такие деньги.

— А старые куда? — спросил он.

— Дома лежат.

— Они же нормальные были.

— Ну и что?

Толик сказал это так, словно вопрос был совершенно бессмысленным.

Илья посмотрел на свои ноги.

Его кроссовки тоже были относительно новыми. Мать купила их в начале учебного года на рынке, предварительно обойдя почти все торговые ряды.

Он тогда примерил несколько пар. Одни оказались тесными, другие неприятно давили сверху. Третьи подошли почти идеально, но мать, надавив большим пальцем на носок, покачала головой.

— Маленькие.

— Нормальные.

— Через полгода вырастешь, и опять покупать.

В итоге взяли другую пару.

На два размера больше.

В магазине мать сказала, чтобы он затянул шнурки посильнее. Дома посоветовала надевать два носка.

Поначалу это действительно немного помогало.

Но на физкультуре пятка всё равно поднималась, а носок кроссовка цеплялся за землю. Когда класс играл в футбол, Илья несколько раз падал на резких поворотах.

Через несколько месяцев начала отклеиваться подошва.

Сначала на правом кроссовке, потом на левом.

Клей покупали самый дешёвый. Илья научился очищать края, прижимать подошву и оставлять обувь на ночь под тяжёлой книгой.

Иногда ремонта хватало на неделю.

Иногда — до первой большой перемены.

Однажды во время игры он зацепился отклеившимся носком за землю и упал.

Толик, бежавший рядом, остановился.

— Ты чего?

— Споткнулся.

— У тебя кроссовок развалился.

— Вижу.

— Может, переобуешься?

Илья поднялся.

— Во что?

Толик посмотрел на него, потом на кроссовок.

— Не знаю.

— Ну вот и не спрашивай.

Он сказал это резче, чем собирался.

Толик пожал плечами и побежал обратно к мячу.

Илья остался у края площадки, присел и попробовал прижать подошву пальцами. Она уже почти не держалась.

До конца урока он простоял на воротах.

Домой шёл медленно, почти не сгибая правую стопу.

Когда мать увидела, что он прихрамывает, спросила:

— Что с тобой?

— Ногу натёр.
— Опять?
— Кровь там.
— Илья, ты каждый день с чем-нибудь приходишь.
Он снял кроссовок и показал разошедшуюся подошву.
— Они опять отклеились.
— Значит, надо аккуратнее ходить.
— Я аккуратно.
— Конечно.
Мать вернулась к своим делам.
Илья постоял в прихожей.
— Мам, можно другие купить?
— Эти недавно покупали.
— Они разваливаются.
— Я вижу.
— И что делать?
Мать раздражённо выдохнула.
— Я тебе сейчас деньги нарисую, что ли?
Он больше ничего не сказал.
Вечером снова достал клей.
Толик не был плохим мальчишкой.
Иногда даже наоборот.

Когда у него появлялись новые игрушки, он приносил их в школу и показывал остальным. Мог дать поиграть, если вещь была не слишком дорогая. Делился конфетами, рассказывал про поездки с родителями, приносил фотографии.

Просто у Толика всё происходило иначе.

Если он хотел велосипед, дома начинали обсуждать, какой лучше выбрать.

Если Илья хотел велосипед, дома начинали объяснять, почему сейчас не время.

Если у Толика ломался телефон, его отвозили в ремонт.

Если у Ильи переставал работать телефон, он некоторое время ходил без него.

Отчим не так давно отдал ему старый аппарат. Кнопки были затёрты, аккумулятор держал плохо. Когда у одноклассников появились первые телефоны с цветными экранами, Илья всё ещё носил свой в кармане и старался без необходимости не доставать.

Дело было даже не в том, что над ним смеялись.

Обычно никто не смеялся.

Толик мог показать очередную покупку, кто-то восхищённо присвистывал, кто-то просил посмотреть, а Илья стоял рядом и понимал, что дома даже разговор о такой вещи закончится отказом.

Однажды он увидел в магазине узкие джинсы.

Они только начинали входить в моду. Илья заметил такие на старших ребятах: тёмные, сильно зауженные к низу, с аккуратными карманами. Особенно хорошо смотрелись с белыми кроссовками.

Несколько дней он проходил мимо витрины.

Потом решился попросить мать.

— Мне джинсы нужны.

— У тебя есть.

— Другие.

— Зачем?

— Эти широкие.

— Илья, не начинай.

— Ну посмотри, какие сейчас носят.

— Мне всё равно, какие сейчас носят. У тебя нормальные штаны.

Он попытался объяснить ещё раз, но мать уже перестала слушать.

Вечером Илья вернулся к магазину.

Долго стоял перед витриной, потом зашёл и спросил цену.

Продавщица назвала сумму.

Он попросил повторить, хотя услышал с первого раза.

На улице достал из кармана несколько монет, пересчитал и убрал обратно.

До стоимости джинсов не хватало почти всего.

За гаражами неподалёку от дома росла крапива.

Высокая, густая, иногда почти по пояс. Между гаражами проходила узкая грунтовая дорога, а за последним рядом начинался пустырь, куда люди выбрасывали старые доски, пакеты, банки и стеклянные бутылки.

Бутылки принимали возле рынка.

Первый раз Илья принёс туда всего несколько штук.

Приёмщик осмотрел их, отставил одну с отколотым гор-

лышком и высыпал на прилавок мелочь.

Денег получилось совсем немного.

Но Илья быстро посчитал, сколько будет, если принести в пять раз больше.

На следующий день взял большой пакет и отправился на пустырь.

Крапива обжигала руки даже через рукава. В траве попадались битые стёкла, ржавые железки, старые консервные банки. Иногда приходилось раздвигать заросли длинной палкой, чтобы добраться до бутылки.

Он старался выбирать целые.

Потом обнаружил, что возле остановок и за некоторыми гаражами бутылок бывает больше.

Через неделю уже знал несколько мест, где можно было найти стеклотару.

За первый большой сбор он купил мороженое.

Самое обычное, в вафельном стаканчике.

Продавщица протянула его через окошко, а Илья отдал мелочь, которую до этого несколько раз пересчитывал в кармане.

Мороженое быстро начало таять.

Он отошёл в сторону и ел его стоя, стараясь не испачкаться. На улице было жарко. На руках остались маленькие красные следы от крапивы, которые неприятно чесались.

Мороженое оказалось вкуснее, чем он ожидал.

Потом он подумал, что на оставшиеся деньги можно было

бы купить ещё одно, если бы удалось найти несколько бутылок.

Он доел вафельный стаканчик и пошёл обратно к гаражам.

Через некоторое время бутылки перестали быть единственным заработком.

На рынке пожилые женщины торговали табаком и разными мелочами. По утрам им привозили товар в тяжёлых сумках и коробках. Илья предложил помочь.

Одна из продавщиц сначала рассмеялась:

— Ты сам-то сколько весишь?

— Нормально.

— Уронишь ещё.

— Не уроню.

Она дала ему небольшую коробку.

Он донёс её до прилавка, вернулся за следующей.

Когда работа закончилась, женщина протянула несколько монет.

Илья взял их и сразу спросил:

— А завтра помочь?

— Приходи, если хочешь.

Он пришёл.

Потом начал помогать и другим продавцам. Иногда платили деньгами, иногда давали что-нибудь поесть. Один раз женщина протянула ему булочку, и он спросил, что ещё нужно перенести.

— Ничего, — ответила она. — Просто поешь.

Он не сразу поверил.

Возле гаражей тоже находилась работа. Мужчины строили новые боксы, ремонтировали машины, таскали доски и кирпичи.

Отчим иногда проводил там время со знакомыми. С ними он мог разговаривать часами, смеяться, обсуждать машины. Дома с Ильёй почти не общался.

Однажды мальчик подошёл к гаражу, возле которого несколько мужчин разгружали стройматериалы.

— Помочь?

Отчим обернулся.

— Ты чего тут делаешь?

— Помочь хочу.

— Иди отсюда, не мешайся.

Илья отошёл.

В соседнем ряду мужчина один переносил доски.

Илья предложил помочь ему.

Тот согласился, но сначала велел убрать со двора гвозди и обрезки древесины.

К вечеру мальчик заработал немного денег.

Домой вернулся с грязными руками и больной поясницей.

Мать спросила, где был.

— Работал.

— Где ещё работал?

— На гаражах.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Кто тебя туда взял?

— Мужик один. Помогал ему.

— И что, заплатил?

Илья достал деньги.

Мать пересчитала взглядом монеты у него на ладони.

— Смотри, чтобы потом проблем не было.

Он убрал деньги обратно в карман.

Вечером достал тетрадь и записал, сколько удалось заработать за последние дни.

Потом рядом написал стоимость джинсов.

Разница оставалась огромной.

Но теперь он хотя бы знал, сколько именно ему не хватало.

В четвёртом классе Илья впервые заработал деньги, не таская тяжести и не копаясь в мусоре.

Идея появилась совершенно случайно.

Однажды он оказался в гостях у знакомой женщины, которая дома занималась какими-то рабочими бумагами. На столе лежали папки, квитанции, несколько толстых журналов и странные тонкие листы почти чёрного цвета.

Илья сначала решил, что это какая-то испорченная бумага.

— А зачем она?

Женщина подняла голову.

— Какая?

— Вот эта.

— Копирка.

— А что она делает?

Женщина взяла чистый лист, положила поверх него копировальную бумагу, затем ещё один лист с напечатанным текстом. Провела ручкой по нескольким буквам.

Когда убрала верхние листы, внизу остались точно такие же буквы.

Илья придвинулся ближе.

— Дай попробую.

Она протянула ему ручку.

Он обвёл ещё несколько букв. Потом нарисовал маленький квадрат.

Убрал копирку.

На нижнем листе появился квадрат.

— Прикольно.

— Только сильно не нажимай, а то порвёшь.

Илья внимательно осмотрел тонкую бумагу. На пальцах остались тёмные следы.

— А рисунки так можно?

— Можно, наверное.

— Любые?

— Если перерисуешь.

Он попросил ещё один лист.

Женщина дала ему обрезок копирки, уже использованный с одной стороны.

Вечером Илья достал из шкафа детскую книжку с картин-

ками, положил на стол несколько листов и попробовал перенести рисунок.

Сначала ничего не получилось.

Он положил копирку не той стороной.

Потом слишком сильно нажимал карандашом, и бумага порвалась.

На третьей попытке рисунок появился.

Получился почти точный контур маленького корабля.

Илья обвёл линии фломастером, раскрасил парус и долго рассматривал результат.

Обычно рисовал он не особенно хорошо. У него получались кривые дома, неровные машины и люди, похожие на палочки с большими головами.

А теперь корабль выглядел так, словно его нарисовал кто-то старше.

На следующий день он принёс рисунок в школу.

Толик взял лист и повертел в руках.

— Ты нарисовал?

— Ну да.

— Сам?

— Сам.

Формально Илья действительно сам водил карандашом.

Толик посмотрел на корабль ещё раз.

— А мне можешь такой сделать?

— Могу.

— Только с пушками.

— Найду с пушками.

— А когда?

— Завтра.

Илья уже собирался забрать лист, но вдруг остановился.

— За двенадцать рублей.

Толик поднял глаза.

— Чего?

— Двенадцать рублей.

— За рисунок?

— Ну да.

— А чего так дорого?

Илья сам не знал, почему назвал именно двенадцать.

Десять показалось слишком мало. Пятнадцать — слишком много. Двенадцать звучало так, будто он заранее всё посчитал.

— Бумага нужна. Карандаши. И вообще, я время трачу.

Толик подумал.

— Ладно.

На следующий день он принёс деньги.

Илья отдал рисунок корабля с пушками.

Толик остался доволен.

Через несколько дней в школе объявили конкурс рисунков.

Тема была обычная, что-то про окружающий мир. Учительница велела сделать работу дома и принести к концу недели.

На перемене Толик подошёл к Илье.

— Слушай, а ты можешь мне ещё один нарисовать?

— Какой?

— На конкурс.

— Могу.

— Только чтобы красивый.

— Двенадцать рублей.

— Опять?

— А что?

Толик вздохнул, но согласился.

К концу дня у Ильи было уже четыре заказа.

На следующий день добавились ещё три.

Кто-то хотел лес с животными. Кто-то — большую машину. Одна девочка попросила нарисовать дом с садом и собакой.

Илья возвращался домой, раскладывал на столе книжки и искал подходящие картинки.

Не всё удавалось скопировать. Если изображение было слишком большим, его приходилось переносить по частям. Тёмная бумага пачкала руки. Некоторые линии отпечатывались слабо, их нужно было обводить заново.

Копирки было мало.

Он начал экономить её, использовать свободные края, поворачивать лист разными сторонами.

Работал по вечерам, иногда до поздней ночи.

Мать однажды заглянула в комнату.

— Ты чего не спишь?

— Рисую.

— Уроки сделал?

— Да.

— Тогда заканчивай. Свет выключи.

Она закрыла дверь.

Илья подождал несколько минут и продолжил.

Через два дня готовые рисунки лежали аккуратной стопкой. На обороте каждого он написал имя заказчика, чтобы ничего не перепутать.

В школе за работами приходили по одному.

Кто-то сразу платил. Кто-то обещал принести деньги завтра.

Илья быстро обнаружил, что обещание «завтра отдам» может растянуться на несколько дней.

После двух таких случаев стал брать деньги заранее.

Одна девочка принесла вместо денег конфеты.

— У меня нет двенадцати рублей, — сказала она.

— А зачем заказала?

— Я думала, мама даст. А она не дала.

Илья посмотрел на конфеты.

Обычные, в цветных фантиках. Несколько штук лежали у девочки на ладони.

— Это всё?

Она кивнула.

— Могу ещё потом принести.

Илья пересчитал конфеты.

— Ладно, давай.

Она протянула их и забрала рисунок.

— Спасибо!

На следующей перемене Илья съел одну конфету.

Вторую оставил на потом.

Остальные отдал ребятам, с которыми сидел за партой.

— Откуда столько? — спросили его.

— Заработал.

— Конфеты?

— Ну да.

Мальчишки засмеялись.

Илья тоже.

Ему понравилось, как это прозвучало.

Конкурс проходил в пятницу.

Учительница развесила рисунки на большой доске в конце класса. Дети толпились возле неё, искали свои работы, показывали друг другу, спорили, чья красивее.

Илья стоял чуть в стороне.

Среди рисунков он узнавал знакомые линии.

Вот корабль Толика.

Вот дом с собакой.

Вот лес, который он переносил с книжной иллюстрации почти час, потому что постоянно не получались ветки деревьев.

Одна девочка хвасталась, что нарисовала всё сама.

Илья посмотрел на неё, но ничего не сказал.

Толик тоже стоял возле доски.

— Мой, наверное, выиграет, — сообщил он.

— Почему?

— Самый красивый.

— Может.

— А ты свой какой принёс?

— Никакой.

Толик удивился.

— Как никакой?

— Не рисовал.

— Ты же всем рисовал.

— Ну и что?

Толик пожал плечами.

— Странный ты.

Учительница попросила всех сесть.

Она долго рассматривала работы, советовалась с другой преподавательницей, потом объявила победителей.

Первое место досталось девочке с большим рисунком леса.

Илья сразу узнал его.

Деревья он переносил с картинки из старой книги о животных. На оригинале возле ручья стояли два оленя. Девочка попросила их убрать и вместо них нарисовать зайца.

Зайца Илья добавлял уже без копирки.

Он получился немного кривым, с непропорционально

большими ушами.

Именно этого зайца учительница отметила отдельно.

— Очень интересная работа. Особенно понравилось, как ты нарисовала животное.

Девочка покраснела и улыбнулась.

Класс зааплодировал.

Илья тоже похлопал.

Он не испытывал особенной обиды. Скорее удивление. Ещё вчера рисунок лежал у него на столе, а сегодня за него вручали грамоту другому человеку.

Учительница продолжала объявлять результаты.

Второе место досталось мальчику из соседнего ряда.

Третье — ещё одной девочке.

Толик ничего не выиграл.

После уроков он подошёл к Илье.

— Слушай, мне кажется, ты плохо корабль нарисовал.

— Почему?

— Ну он же не занял ничего.

Илья посмотрел на него.

— А ты сам какой бы нарисовал?

— Не знаю.

— Ну вот.

— Да ладно, я просто говорю.

Толик ушёл.

Илья остался возле доски, помогая учительнице снимать рисунки.

Она аккуратно складывала их в стопку.

— Илья, а ты почему не участвовал?

— Не успел.

— Странно. Рисуешь ведь хорошо.

Он взял очередной лист и передал ей.

— Наверное.

— В следующий раз обязательно принеси свою работу.

— Хорошо.

Учительница убрала рисунки в папку и попросила выключить свет.

Илья вышел последним.

В кармане у него лежали деньги за семь рисунков и два конфетных фантика.

Дома он высыпал монеты на стол.

Разложил по номиналам, пересчитал. Потом достал тетрадь, в которой записывал стоимость джинсов.

Сумма всё ещё была далека от нужной.

Но рисунки оказались выгоднее бутылок.

За бутылками приходилось ходить несколько часов, пачкаться, таскать тяжёлые пакеты. За один рисунок он получал двенадцать рублей, сидя дома за столом.

Правда, копирка заканчивалась.

Илья достал остатки тёмной бумаги и попробовал перенести ещё одну картинку.

Линии почти не отпечатывались.

Он нажал сильнее.

Бумага порвалась.

Илья выругался вполголоса, скомкал испорченный лист и бросил под стол.

Потом взял деньги, пересчитал их ещё раз и отделил несколько монет.

Нужно было найти новую копирку.

Он уже знал, к кому можно обратиться, но не хотел снова просить бесплатно.

Лучше купить.

На следующий день Илья отправился к знакомой женщине, у которой впервые увидел эту бумагу.

По дороге купил маленький шоколадный батончик.

Когда женщина открыла дверь, он протянул его ей.

— Это вам.

— Ой, спасибо. А по какому поводу?

— Просто так.

Она улыбнулась.

— Проходи.

Илья вошёл, снял обувь и поставил её возле порога.

Правый кроссовок снова начал отклеиваться.

Женщина заметила разошедшуюся подошву.

— Ой, что у тебя с обувью?

— Ничего.

— Разваливается же.

— Я заклею.

— Может, тебе помочь?

Илья замялся.

— Не надо.

Он достал из кармана деньги.

— А у вас копирка ещё осталась?

— Найдём. А зачем тебе столько?

Он немного подумал.

— Рисунки делаю.

— Для себя?

— Не совсем.

Женщина рассмеялась.

— Ну, показывай, что придумал.

Илья сел за стол и начал объяснять.

Поначалу говорил осторожно. Потом увлёкся, рассказал про заказы, про двенадцать рублей, про конкурс и про девочку, которая расплатилась конфетами.

Женщина слушала, улыбалась и иногда переспрашивала.

— Так ты, получается, одноклассникам рисунки продаёшь?

— Да.

— А они знают, что ты через копирку делаешь?

Илья замолчал.

— Ну…

— Понятно.

Она посмотрела на него поверх очков.

— А сам рисовать не пробовал?

— Пробовал.

— И как?

— Долго.

Женщина засмеялась.

Потом достала из шкафа несколько новых листов копировальной бумаги.

— Держи.

Илья протянул деньги.

— Не надо, — сказала она.

— Я заплачу.

— Убери. Мне они всё равно почти не нужны.

Он продолжал держать монеты.

— Я могу заплатить.

Женщина посмотрела на него внимательнее.

— Илья, я тебе их дарю.

Он не любил такие ситуации.

Когда человек что-нибудь давал просто так, становилось непонятно, что теперь нужно сделать в ответ.

— Спасибо, — наконец сказал он.

— Пользуйся.

Он аккуратно сложил листы, убрал в пакет и поднялся.

Уже возле двери женщина спросила:

— А что ты сам хочешь нарисовать?

Илья не сразу понял.

— В смысле?

— Ну, для себя. Не на продажу.

Он задумался.

На столе дома лежало несколько книжек с картинками. Он мог перенести любую. Машину, корабль, дом, животное.

Но в голову почему-то ничего не приходило.

— Не знаю, — ответил он.

— Подумай.

Илья кивнул, поблагодарил ещё раз и вышел.

В подъезде он достал копирку из пакета и проверил, не помялась ли она.

Потом осторожно убрал обратно.

На улице шёл мелкий дождь.

До дома было минут пятнадцать.

Он немного постоял под козырьком, затянул шнурки и пошёл.

На середине дороги подошва правого кроссовка окончательно отошла от носка.

Илья остановился.

Посмотрел вниз.

Потом достал из пакета чистый лист, сложил его в несколько раз и подложил внутрь обуви, чтобы нога сидела плотнее.

Проверил.

Стало чуть удобнее.

До дома дошёл почти не хромая.

Вечером он разложил новую копирку на столе и приготовил карандаши.

Перед ним лежал чистый лист.

Илья несколько минут сидел, раздумывая, что нарисовать.

Потом достал тетрадь со списком желаемых вещей, открыл её на странице с джинсами и начал считать, сколько рисунков ещё нужно продать.

Глава 2. Кусок пиццы

После третьего урока вся школа начинала пахнуть едой.

Сначала запах появлялся в коридоре возле лестницы. Потом добирался до кабинетов второго этажа, где учились младшие классы. Из столовой тянуло супом, горячим хлебом и чем-то жареным. К последним минутам урока Илья уже различал, что сегодня готовят, хотя иногда ошибался.

В тот день пахло котлетами.

Он сидел на предпоследней парте и смотрел на часы. Учительница объясняла новую тему, выводила на доске длинные примеры и время от времени оборачивалась, чтобы проверить, все ли записывают.

Илья записывал.

Потом снова смотрел на часы.

На перемене одноклассники шумной толпой побежали вниз. Толик первым выскочил из кабинета, едва прозвенел звонок. Илья убрал тетради в портфель и пошёл следом.

Столовая находилась на первом этаже. Длинное помещение с высокими окнами, низкими столами и тяжёлыми скамейками, которые скрипели по плитке. Возле раздачи стояли женщины в белых халатах и шапочках. Одна наливала суп, другая раскладывала котлеты с гарниром, третья ставила на подносы чашки с какао.

Детей кормили организованно.

Родители заранее оплачивали питание, и после третьего урока классы спускались в столовую. Каждый получал первое, второе и что-нибудь сладкое. Иногда печенье, иногда булочку. Чаще всего какао.

Илья спускался вместе со всеми.

Он знал, что его имени в списке нет.

Обычно ему говорили, что поесть можно дома. Дома действительно была еда. Иногда суп, иногда макароны, иногда что-нибудь оставшееся со вчерашнего вечера.

Но до дома нужно было ещё дожить.

После третьего урока впереди оставалось несколько занятий, а утром он нередко успевал только выпить чай.

Илья садился за стол вместе с остальными и ждал, пока ребята принесут подносы.

Возле стены стояла корзина с нарезанным хлебом. Иногда хлеб раскладывали сразу на столы, на общие тарелки. Его брали неохотно. Дети больше интересовались котлетами, печеньем и пиццей, которую продавали отдельно.

Илья брал два куска.

Иногда три.

Один съедал сразу. Второй держал в руке и откусывал понемногу, пока остальные обедали.

— А ты чего не ешь? — спросил однажды Толик.

— Ем.

— Нормально чего-нибудь.

— Я не голодный.

Толик пожал плечами и вернулся к своей тарелке.

Илья откусил хлеб.

Он был мягким внутри, но корочка иногда царапала нёбо. Если жевать долго, появлялся сладковатый вкус. Илья обнаружил это случайно и с тех пор старался есть медленнее.

За соседним столом кто-то отказывался от супа.

— Я не буду это.

— Съешь хотя бы половину, — сказала дежурная учительница.

— Не хочу.

Мальчик отодвинул тарелку.

Илья посмотрел на суп. Там плавали кусочки картошки, моркови и несколько маленьких макарон.

Потом отвернулся.

Он никогда не просил доесть за другими.

Даже когда очень хотелось.

В школьном буфете продавали пиццу.

Небольшую, круглую, с толстым тестом и тонким слоем начинки. Иногда сверху лежало несколько кусочков колбасы, иногда одинокий кружок помидора. Сыр распределялся неравномерно: где-то его было много, а где-то тесто оставалось почти голым.

Стоила пицца три рубля пятьдесят копеек.

Илья знал цену наизусть.

Он вообще хорошо запоминал цены на вещи, которые хотел купить.

Если бы кто-нибудь спросил его, сколько стоит тетрадь, ручка или определённая шоколадка, он, скорее всего, ответил бы без ошибки.

Пицца была особенной.

Её доставали из тёплого шкафа и клали на салфетку. Сыр ещё немного тянулся, если сразу откусить. Иногда продавщица разрешала выбрать кусок, где колбасы было больше.

Илья подходил к буфету не каждый день.

Чаще просто проходил мимо.

Однажды он нашёл под скамейкой два рубля.

Монеты лежали возле ножки стола, рядом с чьим-то забытым карандашом. Он поднял их, огляделся и сунул в карман.

До конца перемены думал, где взять ещё рубль пятьдесят.

Не нашёл.

На следующий день принёс монеты обратно в школу.

После третьего урока, когда все спустились в столовую, Илья подошёл к буфету и спросил:

— А половину пиццы можно?

Продавщица посмотрела на него.

— Какую половину?

— Ну, половину одной.

— Нет. Они целые продаются.

— Понятно.

Он отошёл.

Потом вернулся к столу, взял хлеб и сел рядом с Толиком.

— Ты чего покупал? — спросил тот.

— Ничего.

Толик продолжал есть.

В пятницу бабушка дала Илье пять рублей.

Он заходил к ней после школы, и она, провожая его, достала деньги из кошелька.

— Возьми, купи себе что-нибудь.

Илья посмотрел на купюру.

— Можно что угодно?

— Только не глупости.

— Хорошо.

Он быстро убрал деньги в карман.

Бабушка поправила ему воротник и спросила, тепло ли он оделся.

— Нормально.

— Шапку надень.

— Не холодно.

— На улице ветер.

Он нехотя натянул шапку.

Бабушка погладила его по щеке.

— Иди уже.

На следующий день Илья пришёл в школу с деньгами.

Первые три урока он несколько раз доставал купюру из кармана, проверял, на месте ли она. На математике учительница сделала замечание, потому что он слишком долго возился под партой.

После звонка Илья спустился в столовую быстрее обыч-

ного.

Подошёл к буфету.

— Одну пиццу.

Продавщица положила её на салфетку.

Он протянул пять рублей, получил сдачу и отошёл к столу.

Пицца была горячей.

Илья сначала осторожно откусил краешек, потом не выдержал и откусил большой кусок. Обжёг язык, задышал ртом, подождал немного.

Толик сидел рядом и рассказывал, как накануне играл у друга в приставку.

Илья почти не слушал.

Он ел медленно, стараясь растянуть удовольствие.

Когда остался последний кусочек, заметил, что остальные уже заканчивают обед.

Кто-то допивал какао. Кто-то бросал в соседа хлебные шарики. Дежурная учительница ругалась и просила убрать за собой посуду.

Илья положил последний кусочек пиццы в рот.

Потом вытер пальцы салфеткой и достал из кармана сдачу.

Рубль пятьдесят.

Он спрятал монеты обратно.

На следующий день пиццы у него уже не было.

После третьего урока он снова взял со стола хлеб.

Первый раз Илья поцеловался зимой.

Девочка была на класс младше. Невысокая, тихая, с круглым лицом и красными щеками, которые на морозе становились ещё краснее.

Она редко спорила с другими детьми. Когда кто-нибудь громко обращался к ней, сначала улыбалась, потом отвечала. Илье нравилось, что рядом с ней не нужно было ни перед кем выпендриваться.

Они познакомились во дворе.

Сначала просто играли в одной компании. Потом начали чаще разговаривать. Иногда после школы Илья специально задерживался возле её подъезда, надеясь встретить.

Когда встречал, делал вид, что оказался там случайно.

Однажды она спросила:

— Ты меня до дома проводишь?

Илья удивился.

— А ты сейчас где?

— У подружки была.

До её дома оставалось минут десять.

— Пошли.

Они шли по заснеженной дорожке, обходили лужи с тонкой коркой льда и разговаривали о какой-то ерунде. Девочка рассказывала, как у них в классе мальчик разбил окно снежком. Илья говорил, что тоже умеет далеко бросать, хотя совершенно не понимал, зачем об этом рассказывает.

Возле подъезда они остановились.

— Ну всё, — сказала девочка.

— Ага.

Она смотрела на него и улыбалась.

Илья чувствовал, что теперь должен что-то сделать.

Накануне мальчишки во дворе обсуждали, кто уже целовался. Один рассказывал, будто целуется почти каждый день. Другие ему не верили, но всё равно слушали.

Илья тогда промолчал.

Теперь стоял возле подъезда и пытался вспомнить, что вообще нужно делать.

— Ну, пока, — повторила девочка.

Он быстро наклонился и поцеловал её.

Получилось неловко.

Носом он задел её щёку, губами попал куда-то возле уголка рта. Девочка от неожиданности отступила на полшага.

Илья испугался.

— Извини.

Она засмеялась.

— За что?

— Ну…

Он не знал, что сказать.

Девочка поднялась на ступеньку, повернулась к нему и быстро поцеловала в губы.

Потом убежала в подъезд.

Илья ещё некоторое время стоял на улице.

Ему было холодно. Варежки промокли от снега, который он всю дорогу катал в ладонях.

Он всё равно не уходил.

Потом пошёл домой и неожиданно обнаружил, что улыбается.

На следующий день они встретились во дворе.

Оба сделали вид, что ничего особенного не произошло.

Илья предложил покататься с горки.

Она согласилась.

Они несколько раз съехали на картонке, потом поссорились из-за того, кто должен тащить её обратно наверх.

Через несколько недель перестали гулять вместе.

Никакой драмы не случилось.

Просто она стала чаще проводить время с подружками, а Илья — с мальчишками. Однажды он заметил, что уже давно не ждёт её возле подъезда.

Но тот вечер запомнил.

Особенно смешное выражение её лица после первого неловкого поцелуя.

К пятому классу Илья заметно вытянулся.

Ноги стали длинными, движения немного угловатыми. Он рос быстрее, чем успевал привыкать к собственному телу. Иногда задевал локтями дверные косяки, постоянно спотыкался о ступеньки, зато на физкультуре уже мог обогнать многих одноклассников.

Летом мать купила ему джинсовые шорты.

Илья возненавидел их сразу.

Широкие, мятые, с какими-то странными карманами и

швами, которые, по мнению матери, выглядели красиво.

Шорты заканчивались чуть ниже колен. При ходьбе ткань собиралась складками, а если сесть, становилась похожей на гармошку.

— Я такое носить не буду, — заявил Илья.

— Будешь.

— Они ужасные.

— Нормальные шорты.

— Мам, посмотри, какие все носят.

— Мне неинтересно, какие все носят.

Илья ещё немного поспорил, но других летних шорт у него не было.

Пришлось надеть эти.

Именно в них он познакомился с девочкой, которая потом надолго заняла его мысли.

Она была на два года старше.

Тёмные волосы, выразительные губы, уверенная манера разговаривать. Она не стеснялась смеяться громко, могла перебить мальчишек, которые пытались показать себя особенно взрослыми, и часто говорила то, что остальные предпочитали оставить при себе.

Первый раз она обратила внимание на Илью из-за шорт.

Он стоял во дворе с несколькими ребятами, когда она подошла вместе с подругой.

Посмотрела на него сверху вниз, задержала взгляд на одежде и рассмеялась.

— Это что у тебя?

Илья сразу понял, о чём она.

— Шорты.

— Я вижу, что шорты.

Её подруга тоже засмеялась.

Илья почувствовал, как краснеет.

— А что не так?

— Ничего. Просто смешные.

Она сказала это без особой злобы.

Наверное, уже через минуту забыла.

Илья не забыл.

До самого вечера он ходил с ощущением, будто каждый встречный смотрит на его ноги.

Дома переоделся и затолкал шорты подальше в шкаф.

На следующий день мать спросила, почему он опять надел старые.

— Эти удобнее.

— Я тебе новые купила.

— Они дурацкие.

— Ясно.

Она ничего больше не сказала.

Через несколько дней Илья снова увидел ту девочку.

На этот раз он был в других шортах.

Она даже не обратила на них внимания.

Зато заговорила с ним.

Потом они начали встречаться во дворе всё чаще. Разго-

варивали, гуляли с общей компанией, иногда уходили вдвоём. Илья поначалу не очень понимал, как с ней себя вести. Она была старше, увереннее и легко замечала, когда он пытался казаться взрослым.

Однажды он начал рассказывать какую-то историю, сильно преувеличивая собственную роль.

Она выслушала и спросила:

— А на самом деле как было?

Илья посмотрел на неё.

— Так и было.

Она улыбнулась.

— Ну ладно.

Илья рассердился.

— Ты мне не веришь?

— Почему? Верю.

Но по лицу было видно, что не очень.

Он хотел обидеться и уйти.

Вместо этого остался.

Через некоторое время они уже гуляли за руку.

Когда это стало считаться отношениями, Илья толком не понял. В какой-то день девочка сама взяла его за ладонь, а он сделал вид, что так и должно быть.

Ему нравилось идти рядом с ней по двору.

Нравилось, что старшие мальчишки оборачиваются.

Нравилось, когда она звала его по имени.

А особенно нравилось, что теперь она смеялась вместе с

ним, а не над ним.

Телефон Толика Илья взял в тот день, когда в классе почти никого не осталось.

Это был один из первых действительно хороших телефонов, появившихся у одноклассников. Цветной экран, музыка, игры, камера. Толик показывал его всем подряд, но в руки давал неохотно.

Илья несколько раз просил посмотреть.

Иногда Толик соглашался, иногда отвечал, что аккумулятор садится.

В тот день телефон лежал на парте.

Толик вышел в коридор, остальные тоже разошлись.

Илья заметил аппарат, когда собирал тетради.

Сначала просто взял его.

Повернул в руках, нажал кнопку. Экран загорелся.

На заставке была фотография машины.

Он открыл меню, пролистал значки.

Потом услышал шаги в коридоре.

Не успев подумать, сунул телефон в карман.

В класс вошла девочка, забрала забытую кофту и вышла.

Илья стоял возле парты.

Телефон был тяжёлым. Он отчётливо чувствовал его через ткань брюк.

В голове уже складывалась история.

Можно было сказать, что телефон ему подарили. Или что он нашёл его во дворе. Можно было вообще никому не по-

казывать первое время.

Он представил, как будет доставать аппарат дома, слушать музыку, играть.

Потом представил Толика, который возвращается в класс и начинает искать телефон.

Тот наверняка поднимет шум. Будет спрашивать у всех. Возможно, вызовет учительницу.

Илья вытащил аппарат.

Несколько секунд смотрел на него.

Затем положил обратно на парту.

И быстро вышел.

В коридоре встретил Толика.

— Ты мой телефон не видел?

Илья остановился.

— На парте лежит.

— А, точно.

Толик побежал в класс.

Илья пошёл к лестнице.

Сердце колотилось так сильно, что он чувствовал удары в горле.

Он мог оставить телефон себе.

Никто не видел, как он его взял.

Но отчего-то стало легче только после того, как положил обратно.

Илья никому не рассказал об этом случае.

Даже спустя годы ему было неприятно вспоминать ту ми-

нуту, когда он уже придумал, как будет объяснять появление чужой вещи.

Старшие мальчишки начали приставать к нему не сразу.

Сначала кто-то отпускал замечания, когда видел его рядом с девочкой. Кто-то спрашивал, не рановато ли ему встречаться со старшими. Иногда смеялись.

Илья отвечал.

Он почти всегда отвечал.

Необязательно остроумно. Необязательно удачно. Иногда первое, что приходило в голову.

Но молчать, когда над ним пытались посмеяться, не умел.

Однажды старшеклассник перегородил ему дорогу возле лестницы.

— Ты куда такой важный?

— Домой.

— А чего не здороваешься?

— Я тебя не знаю.

Мальчик был заметно старше и шире в плечах.

Илья понимал, что лучше обойти его и уйти.

Но остался стоять.

— Ты дерзкий, что ли?

— Нет.

— А чего отвечаешь так?

— Как?

Старшеклассник толкнул его плечом.

Илья толкнул в ответ.

Потом получил подзатыльник, попытался ударить, промахнулся. Кто-то из проходивших ребят засмеялся.

Всё закончилось быстро. Старшеклассник ушёл, предварительно обозвав его.

Илья поднял портфель и пошёл дальше.

По дороге домой злился не столько на старшего мальчишку, сколько на себя.

Он несколько раз вспоминал, что мог бы сказать.

Придумывал ответы гораздо лучше тех, которые произнёс.

Потом пытался представить, как ударил бы его в следующий раз.

Сам понимал, что противник сильнее.

Но мысль о том, чтобы промолчать, казалась ещё неприятнее.

Постепенно подобные стычки стали случаться чаще.

Иногда Илья действительно начинал их сам, потому что слишком резко отвечал. Иногда защищал ребят, которых обижали другие. Иногда просто не успевал уйти от конфликта.

После нескольких драк у него появились синяки.

Дома мать спрашивала, откуда они.

— Упал.

— Опять?

— Да.

Она смотрела недоверчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.